

Тема № 2: Устное народное творчество для детей

План:

1. Происхождение фольклора и мифологические рассказы.
2. Роды и жанры русского фольклора.
3. Календарно-обрядовая поэзия.
4. Былины, сказки.
5. Малые жанры фольклора.
6. Песни и частушки
7. Обработки русских сказок для детей.

Опорные слова и понятия: устное народное творчество, жанры, поэзия, фольклор, обряды, святки, колядки, масленица, троица, Ивана-Купала, рекрутские причитания, заклинки, игровые песни, считалки, мифы, легенды

Происхождение фольклора и мифологические рассказы.

У словесного творчества – две формы: письменная и устная. Письменную словесность называют **литературой**, устную – **фольклором**. Они отличаются между собой не только способами создания, распространения и восприятия произведений. Главное отличие состоит в том, что литература – творчество индивидуальное: у каждого произведения есть определенный автор, тогда как в фольклоре произведения воспринимаются как общее достояние и авторство не имеет никакого значения. Поэтому о фольклорных произведениях говорят: их создал народ, это народное творчество.

Фольклор и литература занимают разное место в жизни общества. Литература – это один из видов искусства, искусство слова. Фольклор же – не только искусство слова, а часть традиционной культуры народа. Он сопровождал человека в течение всей его жизни. Младенцу пели колыбельные песни. Ребенок входил в жизнь с играми и забавами, и это тоже фольклор, детский. Молодые люди основывали семью, и на свадьбе исполнялись определенные обряды, звучали песни. Труд и досуг не проходили без сказок и песен. На все случаи жизни у людей были пословицы. И в последний путь человека провожали с определенными обрядами. Фольклор выполняет в традиционной культуре множество функций: хозяйственные (с ними связаны разные обряды), юридические (свадебный обряд), религиозные (народные легенды, духовные стихи) и служит не только досугу и развлечению.

Литературные произведения написаны, и их читают, чаще всего «про себя». **Фольклорные же произведения, поскольку это устное творчество, исполнялись вслух: сказки рассказывались и «разыгрывались», песни пелись. Фольклор – это исполнительское искусство:** мимика и жесты в рассказе, музыкальная сторона народных песен, выразительность танца в хороводах – в фольклоре живут приемы многих искусств. Имена талантливых исполнителей были широко известны: исполнительница причитаний Ирина Федосова, сказитель былин Трофим Рябинин,

неистощимый балагур Мария Кривополенова, сказочник Абрам Новопольцев.

Одну и ту же песню, одну и ту же сказку можно исполнить по-разному. Основа текста сохраняется, но очень много бывает и различий в одних и тех же сказках, исполненных разными сказочниками. И если текст литературных произведений постоянен («Евгений Онегин» остается таким же, как и при жизни Пушкина), то фольклорные произведения известны во множестве вариантов. Почти каждое фольклорное произведение имеет варианты.

Хотя фольклор намного старше литературы (устное творчество появилось до возникновения письменности), на него обратили внимание и стали записывать довольно поздно (в России - в ХУ111 веке). Поэтому мы можем лишь догадываться, каким был наш фольклор прежде. Традиционная культура была очень устойчивой, и многое в ней сохранялось на протяжении веков. Но жизнь все же менялась, и вместе с нею менялся фольклор.

В наши дни не поют больше былин и старинных песен – мы можем их только прочесть в книгах. Но фольклор не умер: поют песни и частушки, есть свой фольклор и у детей. Конечно, в современной жизни фольклор занимает скромное место, уступив профессиональному искусству. Но связи своей с традиционной культурой он не теряет.

Сколько на земле народов, столько и народных культур. Поэтому фольклор каждого народа неповторимо своеобразен: он связан с национальным бытом, национальной историей, говорит на «своем» языке. Но в жизни разных народов много не только неповторимого, но и общего. Честь и независимость своей родины защищали богатыри. Древнегреческий Ахилл и французский Роланд, киргизский Манас и русский Илья Муромец – одинаково отважные защитники своей родины, хотя меняются враги, меняются обстоятельства, в которых они встают на борьбу за свою родину. В разных условиях живут французская Золушка и русская падчерица, отправленная жестокой мачехой в зимний лес, но сказки одинаково вознаграждают бедную сиротку.¹

И если вы хотите лучше понять русский фольклор, читайте не только былины, но и французскую «Песнь о Роланде», не только сказки А.Н.Афанасьева, но и немецкие сказки братьев Гримм. Ведь русский фольклор – часть культуры национальной и в то же время интернациональной народной культуры.

¹ Аникин В.П., Круглов Ю. Г. Русское народное поэтическое творчество.- М., 1987.

Письменность и вместе с нею литература появляются у народа вместе с государством. Этому предшествует длительный период родового общества. Как показывает история первобытных народов, фольклор у них уже сложился, и «дофольклорных» народов на земле нет. Первобытный фольклор включает разнообразные обряды, повествовательные произведения, песни. Элементарные представления о мире и человеческом обществе выражались в мифах, которые могли иметь форму песни или рассказа, воплощались в обрядах.

В основе мифологических представлений лежит своеобразная логика первобытного человека. Мир казался полным опасностей, и выжить в нем можно было только путем соблюдения многочисленных обрядов. В их основе и лежали мифологические верования. Явления окружающего мира придавались не свойственные им качества. Так, всё казалось живым: земля почиталась всеобщей матерью, солнце и луна были братом и сестрой, силы природы представлялись в облике страшных чудовищ. Обряды как раз и призваны были обезопасить жизнь первобытного человека. Во время исполнения обрядов их участники возвращались в воображении к тем временам, когда был установлен миропорядок. В наиболее древних мифах это приписывалось первопредкам, так называемые культурным героям (создателям человеческой культуры). У народов, стоявших на грани между первобытным обществом и государством, устройство мира принадлежало богам. Об устройстве мира и его судьбах рассказывается в мифах, лучше всего сохранившихся в древней Греции и древней Скандинавии.

Своя система богов была и у **древних славян**. Правда, древнеславянские мифы не сохранились, но по свидетельствам нашей древней письменности мы знаем, что одним из верховных славянских богов был громовержец Перун. Солнечным богом был Дажьбог. Ветрами заведовал Стрибог. Повелителем скотины был Велес. Известны и другие имена древнеславянских божеств, но ничего определенного мы о них не знаем.

Но если до нас не дошли древнеславянские мифологические рассказы, то следы мифологических представлений сохранились в языке и фольклоре. Как о живых существах, говорим мы о солнце («солнце встало», «солнце село») и временах года («зима пришла»). Мифологические представления сохранились в суевериях (встать с левой ноги – плохо) и многих обычаях. В русском фольклоре осталось выражение «мать сыра земля», осталось представление о реке Смородине как реке смерти, а сама смерть рисуется костлявой старухой с косой. Герои сказок и былин сражаются с чудовищами. Всё это говорит о том, что русский фольклор развивался на древней мифологической основе. Но на эту основу легли и серьезно ее видоизменили более поздние представления, рожденные историей и бытом русского народа.

Мифология продолжала жить и развиваться после того, как ушло в прошлое язычество – религия первобытного общества. Русские приняли христианство, но в их сознании жило убеждение, будто человека со всех сторон окружают неведомые, враждебные ему силы. Убеждение это отразилось во множестве рассказов, многие из которых можно услышать и сегодня.

Неведомые существа – это «нечистая» сила, обитающая как в прямом соседстве с человеком, так и в природе. Она может принять и человеческий облик, но в искаженном виде, а постоянного обличья она не имеет и бесплотна. К людям нечистая сила относится по-разному: некоторые существа – носители зла, с другими можно жить в мире.

Природные духи связаны с лесом, водой, полем. В лесу обитал **леший**. Если он желал показаться людям, то являлся либо в облике великана, ростом с дерева, либо старичка с мохнатыми руками, либо обыкновенного человека, но без пояса или шапки (а одевать их прежде было обязательным). Если человек заблудился в лесу, то это злая проделка лешего. Леший мог и просто попутать: страшно захохотать, сбить с толку. Встреча с лешим не смертельна, но ничего хорошего не обещает.

Гораздо страшнее лешего был **водяной**. Его любимое жилище – глубокие омуты и водовороты. Он представлялся голым стариком, облепленным тиной и водорослями. Леший любил зло подшутить – водяной топил неосторожных купальщиков и вообще был зол и недружелюбен. Поэтому люди, постоянно связанные с водой (например, работавшие на мельницах), приносили водяному небольшие жертвы: сыпали хлебные крошки, табачок.

С водой были связаны и **русалки** – водяные красавицы в венках из водорослей и осоки. Их было много, и они водили хороводы не только по берегам рек и озер, но и резвились в полях, качались на ветвях старых деревьев. Опасность они представляли в основном для мужчин: их неземная красота могла увлечь кого угодно, и соблазненный красотой русалки становился ее жертвой.

Среди домашних духов главным был **домовой**. Жил он где-то в доме: под печкой, в чулане, под порогом, на чердаке. Он был покровителем семьи и хозяйства, дружил с кошками и собаками. К людям он относился, в общем, хорошо, но в плохом настроении мог устроить возню на чердаке или навалиться на спящего и душить его. В хорошем настроении он любил шутить: возьмет какую-нибудь вещь и спрячет, так что ее найти не могут. Чтобы он не гневался, для него оставляли кашу, хлеб, табак. При переезде в новый дом нужно было забрать с собой и «своего» домового. Его приносили в горшке с углями или вместе с кошкой, которую первой впускали в новое жилище.²

² Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество.- М., 2003.

Был домашний дух и женского рода – **кикимора**. От нее добра не ждали: кикимора обожала мелкие пакости. Если у женщины перепутана пряжа, нитки оборваны, это дело рук кикиморы.

Главную опасность для человека представляли **злые духи**. Их обычно звали чертями или бесами, но поминать имя черта не рекомендовалось. Они принимали облик человека, но были лысыми и остроголовыми, прихрамывали, у них были хвосты и рожки. Черт мог явиться и в образе животного – черной кошки или черной собаки. Селились черти в «нечистых» местах: болотах, трясинах, омутах. Все ошибки и несчастья русский чело- век объяснял вмешательством черта («черт попутал», «нелегкая понесла»). **Бесы** лишали человека разума (отсюда слова «беситься», «бешеный»).

Опасность исходила не только от нечистой силы, но и от людей. Носителями злого начала были колдуны. В их распоряжении была вредоносная магия: чтобы причинить зло, они произносили и особые заговоры, и окуривали серой, и производили колдовские действия с помощью змеиной кожи. От колдовских заклятий можно было заболеть, лишиться удачи. Очень любили колдуны расстраивать свадьбы, и приход колдуна на свадьбу не сулил ничего хорошего. Средствами защиты от колдунов были лук, чеснок, разные травы.

Колдовством занимались и **ведьмы**. В разных областях России они представлялись по-разному. *Севернорусская ведьма* – страшная костлявая старуха, а на *юге России* – молодая красавица. От людей ведьму мог отличать небольшой хвостик. Колдуны мрачны и нелюдимы. Ведьмы любят общество себе подобных и собираются на шабаши, куда они прилетают на метлах. Кроме того, ведьмы обладают даром оборотничества, чаще всего – в кошек и сорок. Ведьмы вредили не только отдельным людям. Эпидемии, пожары, неурожаи были результатом их происков. Поэтому в старину с ведьмами жестоко расправлялись, а в Западной Европе сжигали на кострах.

Колдуны и ведьмы – люди, наделенные сверхъестественными способностями. Необыкновенные способности приписывались и покойникам. Считалось, что они могут вернуться в нашу жизнь, а порою – и вредить живым. Поэтому мертвых боялись.

Встречи с нечистой силой были опасными и нежелательными. Существовало множество рассказов о таких встречах – и везде результаты столкновения с нечистой силой были печальны. Слушая их, удивляются и пугаются ребяташки в произведении И.С.Тургенева «Бежин Луг».

Большинство мифологических рассказов принадлежит прошлому. Но есть еще суеверные люди, для которых леший, водяной, домовый – это реальность. И в наши дни рассказывают о полтергейстах, о таинственных инопланетянах-пришельцах, так что мифологическая проза остается частью традиционной

культуры.³

Контрольные вопросы и задания:

1. Какие народные представления отразились в мифологических рассказах?
2. Кто герои русских мифологических рассказов?
3. Какие обряды называют календарными?
4. Какие обряды сопровождали семейную жизнь человека?

Роды и жанры русского фольклора.

Фольклор, как и литература, искусство слова. Это даёт основание фольклористике пользоваться понятиями и терминами, которые были выработаны литературоведением, естественно применяя их к особенностям устного народного творчества. Такими понятиями и терминами служат **род, вид и жанр.**

Явления литературы и фольклора, которые годами и жанрами, представляют собой группы произведений, сходных между собой по структуре, идейно-художественным принципам и функциям.

Род - наиболее широкое явление и понятие: в него входят различные виды, в которых конкретно и осуществляется.

ЖАНРЫ устного народного творчества:

1 Обрядовая поэзия:

- а) календарный (*зимний, весенний, летний, осенний циклы*);
- б) семейно-бытовая (*родильная, свадебная, похоронная*);
- в) заговоры.

2 Внеобрядовая поэзия:

- а) эпические прозаические жанры: *сказки; предания легенда.*
- б) эпические стихотворные жанры: *былины; исторические песни; балладные песни.*
- в) лирические стихотворные жанры: *песни социального содержания; любовные песни; семейные песни.*
Малые лирические жанры (*частушки, припевки*)
- г) малые нелирические жанры: *Пословицы; поговорки; загадки.*
- д) драматические тексты: *ржания, игры, хороводы; сцены и пьесы.*

Жанровый состав русского народного поэтического творчества богат и разнообразен. Он включает в себя и такие жанры, которые существуют в фольклоре многих других народов - (сказки, пословицы, загадки и другие), и такие жанры, каких нет в устной народном творчестве. Так только в русском фольклоре

³ Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество.- М., 1983.

есть былины и частушки.

Жанры русского фольклора в своей совокупности представляют сложившуюся художественную систему, в которой все типы произведений находятся в сложных взаимоотношениях и взаимодействиях.

Формирование и существование системы жанров является одной из важных закономерностей развития фольклора.

Календарно-обрядовая поэзия.

На мифологической почве возникли обряды, сохранявшиеся в быту русского народа вплоть до XX века. У нас они зафиксированы лишь начиная с 18 века и поэтому не могут служить точным отражением обрядов первобытных: многое привнесено в них христианством и современным бытом. Однако традиция цепко удерживала бытование обрядов, без которых не обходилось ни одно значительное событие в жизни человека. Обрядами обставлялась как трудовая деятельность человека, так и его семейная жизнь. *Поэтому обряды обычно делят на две группы – связанные с земледельческим календарем и семейные.*

Календарными обрядами зовут еще и потому, что они проводились по строго определенным дням календаря. Только в эти дни разыгрывались целые представления, сопровождаемые песнями и плясками. Обряды преследовали практические цели: принести в дом здоровье, богатство и благополучие, сопутствовать успеху в труде. Но обряды, как думали наши предки, закрепляли еще раз и навсегда установленный миропорядок.

Круг годовых (календарных) обрядов открывался новогодними (святочными) обрядами.

Святки праздновались в период зимнего солнцеворота (с 24 декабря по 6 января). В основе святочных обрядов магия первого дня года: обряды совершаемые в это время года по мнению исполнителей, должны были действовать в определённом направлении на протяжении всего года.

В календарной обрядности особое значение придавалось **встрече нового года**. От первого дня зависело благополучие человека в течение всего года. Поэтому новый год сопровождался обрядами, смысл которых – расставание со старым и обеспечение благополучия на грядущий год. Русские новогодние обряды включали в себя **колядование**, святочные игрища и разнообразные гадания.

В обряде встречи **Коляды (колядовании)** участвовала деревенская молодежь. В вечер накануне Рождества (25 декабря по старому стилю) толпы молодых людей обходили избы и пели небольшие песенки, в которых желали хозяевам благополучия в наступающем году. Песни эти назывались колядками, потому что молодые люди представлялись посланцами некоего мифологического существа – Коляды. Это давало им право требовать угощения – и их всегда одаривали. Таким образом, благополучие хозяев ставилось в зависимость от таинственной Коляды. В колядках же хозяевам желали сказочно богатого урожая, достатка в доме:

Пришла
коляда
Накануне
Рождества.
Дайте
коровку,
Масляну головку! (обрядовое
печенье – *Е.К.*) А дай Бог тому,
Кто в
этом
дому!
Ему
рожь
густа,
Рожь ужиниста! (которую хорошо жать –
Е.К.) Ему с колосу осьмина (сорок восемь
пудов – *Е.К.*), Из зерна ему коврига,
Из полужерна
пирог. Наделил
бы вас Господь
И житьем и
бытьем
И богатством,
И создай вам,
Господи, Еще
лучше того!

Считалось, что такие благопожелания волшебным образом (магически) сбудутся. Колядование давно превратилось из мрачного обряда в веселую игру. Молодежь с шутками и смехом шла по ночному селу, как это описано Н.В.Гоголем в повести «Ночь перед Рождеством»

В святочные вечера девушки гадали – что ждет их в наступающем году: замужество, разлука, богатство. Виды русских народных гаданий описаны В.А.Жуковским в балладе «Светлана»:

Раз в крещенский вечерок Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали; Снег пололи; под окном
Слушали; кормили Счетным курицу зерном;

Ярый воск топили; В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой, Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Носок башмачка указывал, в какую сторону девушку отдадут замуж, на снегу должен остаться след будущего мужа, в подблюдных песенках предсказывалась девичья судьба и т.д.

С проводами зимы был связан один из самых веселых русских народных праздников – Масленица.

МАСЛЕНИЦА - самый веселый, самый разгульный народный праздник, продолжающийся целую неделю (с понедельника до воскресения). Причём, это празднование включало в себя как общинные, так и семейные мотивы и совершалось по строго расписанному порядку, что отразилось на названиях дней масленичной недели.

В русском православном церковном календаре этот период называется **Сырной седмицей (неделей)**. Смысл Сырной седмицы — примирение с ближними, прощение обид, подготовка к Великому посту — время, которое нужно посвятить доброму общению с ближними, родными, друзьями, благотворению.

Понедельник - назывался "встречен" - это начало праздника.

Вторник - «наигрыши». С этого дня начинались разного рода развлечения, ряженая, катания.

Среда - «Лакомка» она открывала угощения во всех домах блинами и другими яствами.

Четверг - называли "разгулом", "переломом", "широким четвергом", на этот день приходилась середина веселья и гульбы.

Пятница - "тёщины вечера", зятя угощали тещ.

Суббота - "золовкины посиделки", молодые невестки принимали родных в гости.

Воскресение - это "проводы", "целовник", "прощальный день" коней масленичного веселья.

Обязательным предметом масленичных угощений были блины. Масленичная еда имела обрядово ритуальный характер: предполагалось, что чем обильнее будет угощение в этот праздник, тем богаче будет весь год.

Обряд встречи Масленицы был следующим. Делали из соломы чучело, придавали ему при помощи старой одежды вид женщины, насаживали на шест и с песнями водили на санях по деревне. Затем чучело - Масленицу ставили на снежной горе и где проходили игры и катания на санях.

В отличие от других праздников, Масленица не была строго приурочена к определенному дню календаря. Она проводилась за семь недель до Пасхи, а главный

христианский праздник выпадал на разные весенние дни.

Масленицу отмечали целую неделю. Здесь было много игр и забав (катание на санях, взятие снежного городка). Масленица славилась обильным угощением, причем главное место в обрядовой еде занимали блины.

Наши предки были убеждены, что весну приносят птицы. Призывая весну, пекли обрядовое печенье («жаворонки»). Дети забирались повыше, на крыши и на деревья, подбрасывали это печенье и песенками «закликали» весну и призывали лето:

Жаворонки, Жавороночки! Прилетите к нам, Принесите нам Лето теплое!

Унесите от нас Зиму холодную! Нам холодная зима Надоскучила, Руки, ноги Отморозила!

Позже, в Троицкую неделю (названную так по христианскому празднику Троицы) девушки украшали молодые березки ленточками, водили вокруг них хороводы, надев на головы венки. По древним поверьям, этот праздник весенней растительности способствовал росту растений и плодов.

С почитанием природы был связан праздник, приходившийся на летнее солнцестояние – **день Ивана Купалы**. Молодежь не только купалась, но и прыгала через костры. Растения в купальскую ночь открывали свои волшебные свойства. Так, только в эту ночь расцветал папоротник, а его цветок мог открыть тайну клада.

Следующий цикл календарных обрядов приходился на осень и был связан с уборкой урожая. Особенно украшался последний сноп, и его почитание должно было благотворно сказаться на судьбе будущего урожая.

Семейные обряды сопровождали создание новой семьи и похороны. Старинная свадьба была сложным обрядом, занимавшим несколько дней. Он и закреплял союз молодых (т.е. имел юридическое значение), и означал общественное признание новой семьи, и был, конечно, праздником. Поэтому в свадьбе участвовали десятки людей, и у каждого из участников была особая «роль».

Начинался свадебный обряд со сватовства. В дом будущей невесты являлись представители жениха – люди пожилые и уважаемые. Просватанная девушка оплакивала свою судьбу, расставание с родным домом – она покидала его навсегда. Такие песни-плачи называются причитаниями невесты. В последний вечер девичьей жизни – **девишник** – девушка прощалась с подругами своей юности. Подружки расплетали ее косу (прическа замужних женщин была у нас прежде иной). При этом пелись грустные песни.

В тот день, который мы и называем собственно свадьбой, жених заезжал за невестой со свадебным поездом, и молодые отправлялись в церковь. После венчания молодожены ехали в дом мужа, где и устраивался свадебный пир. Молодым полагалось быть молчаливыми, они мало пили и ели – это делали за них гости. На свадебном пиру звучало много песен – как величальных, восхвалявших молодых, так и шуточных «корильных», высмеивавших то молодого мужа, то сваху.

В старинной русской свадьбе соединились особенности архаических обрядов с обрядами христианскими. По древним понятиям, обряд должен был обезопасить молодых от воздействия невидимых враждебных сил и обеспечить их семейное благополучие. Но «браки совершаются на небесах», и союз молодых благословляли иконой и закрепляли церковным венчанием. В наши дни от древнего обряда остались лишь отдельные элементы (так, молодых осыпают хмелем или мелкими денежками – чтобы в их доме был достаток), и свадьба превратилась в веселый праздник.

Много обрядов было связано с проводами человека в последний путь. С покойным прощались не только родные, но и все общество, к которому он принадлежал. Поэтому похороны тоже, как и свадьба, были социальным обрядом. Но, разумеется, здесь не было веселых песен – покойного провожали похоронными причитаниями.

Наряду с календарными обрядами, которые совершались всей общиной, практически в масштабах всего села или деревни, в крестьянской среде проводились также обряды, преимущественно связанные с жизнью отдельных семей. Поэтому и **называются семейно-бытовыми**.

Все значительные события в жизни крестьянских семей (рождение человека, вступление в брак, смерть и другие) сопровождались специальными обрядами, получившими большое развитие.

Родильные обряды являются очень древними по своему происхождению. Назначение этих обрядов, по мнению исполнителей, состоит в том, чтобы обеспечить новорождённому безопасность, положительно повлиять на будущую судьбу человека, уберечь его от "порчи", "сглаза" и болезней, сделать его жизнь обеспеченной и счастливой, так например, купая новорожденного в бане, бабка-повитуха заговаривала: "Ручки, растите, толстейте; ножки ходите, свое тело носите; язык говори, свою голову корми". Предполагалось, что этот заговор обеспечит хорошее здоровье и быстрый рост новорождённому.

Свадебные песни и обряды рассказывают о свадьбе, в том числе и о переживаниях невесты, как бы со стороны, поэтому они всегда в той или иной мере сюжетны, включают в себя элементы повествовательности.

Тенденция идеализации особенно ярко проявилась в такой жанровой разновидности свадебных песен, как величания. Величания - это небольшие песни описательного характера, в которых рисуется портрет величаемого, говорится о его красоте, уме или богатстве.

Величания пелись друзьям, подружкам, свату, свахе и другим гостям. Величаемые должны были одаривать певиц небольшими подарками, чаще всего разменной монетой. Если же певца не одаривали, то они в адрес "провинившихся" пели уже не величальные, а "корильные песни".

Корильные песни - это своеобразные пародии на величания, ими смешили и веселили гостей. корильные песни нередко имели плясовой ритм, рифму.

Свадебные причитания - это исполняемые песенные импровизации с плачем. Эти причитания преимущественный жанр невесты. (Если: невеста не умела причитать, то это делала приглашенная плакальщица). Причитания исполнялись на сговоре, на девичнике, ритуальном посещении невестой бани, перед отъездом её вместе с женихом к венцу. После венчания причитания не исполняются.

Главное содержание причитаний - тяжелые переживания, горестные размышления девушки в связи с предстоящим выходом замуж, прощанием с родной семьёй, любимыми подругами, своим девичеством, молодостью. В основе причитаний лежит противопоставление жизни девушки в родной семье, на родимой стороне, предполагаемой жизни в "чужой семье", на "чужой стороне". Если в родной сторонке

«луга зеленные», "берёзы кудрявые", "люди добрые", то в чужой стороне - "берёзы кружлявые", "луга кочковатые" и т.п.

Причитания дают довольно полное представление о бытовой жизни крестьян. Свадебная поэзия находилась в самой неразрывной связи с её обрядностью, которая имела не только большое этнографическое, но и определённое эстетическое значение. Несмотря на то, что к самому факту бракосочетания в значительной степени подходили с практической стороны, думали, прежде всего, о том, чтобы в семью жениха вошла хорошая хозяйка, в целом свадьба воспринималась не как практическая сделка между родителями жениха и невесты, а как большой и яркий праздник. Тон праздничности проступал во всём. Все участвующие в свадебной обрядности выглядели празднично, девали на свадьбу свои лучшие наряды. Особенно нарядно одевались жених и невеста. Для свадьбы выбирали самых хороших лошадей, в гривы им вплетали разноцветные ленты, впрягали их в лучшие упряжи, к дугам привязывали звонкие колокольчики.

Прямой противоположностью свадебной обрядности, сопровождающей её поэзии по своей эмоциональности, были похоронные и рекрутские обряды с единственным их поэтическим жанром - причитаниями. Похоронные и рекрутские обряды, посвящённые самым горестным, трагическим событиям в жизни человека от начала до конца были насыщены плачем, воплями и рыданиями.

Полагалось, что души умерших переселялись в иной мир, и что умершие предки могли оказывать определённое влияние на судьбу живущих, поэтому их боялись и старались всячески задобрить их. Это нашло отражение в похоронных обрядах. Гроб с телом покойного выносили очень осторожно, боясь коснуться им косяка двери (магия касания), чтобы не оставить смерти дома.

В центре внимания похоронных причитаний - крестьянская семья, её бедственное положение после смерти кормильца. Однако со временем в них всё сильнее и сильнее проникают различные социальные мотивы.

Рекрутские причитания по основным эмоциям ничем принципиально не отличались от причитаний похоронных: уход в солдаты народом психологически приравнивается к смерти.

В содержании рекрутских причитаний довольно отчётливо выделяются две

темы: жизнь рекрута после его ухода в солдаты и описание солдатской жизни. Солдатку (жену солдата), как и вдову, ожидает непосильный труд и вопиющая бедность. Дети солдатки, вдовы, должны будут ходить босиком, голодать и т.д.

Жанры русского фольклора возникли не одновременно. Наиболее старыми Жанрам фольклористы считают обрядовые песни, заговоры, загадки, пословицы. несколько более поздним - сказка, былины; ещё более поздними - исторические песни, самый новый жанр - частушки.

Исторически сложившаяся система жанров русского фольклора в дальнейшем претерпевает изменения: она может развязаться, совершенствоваться, обогащаться, но может и распадаться.

Возникновение и отмирание жанров или значительное сужение их бытования изменяет картину взаимодействия жанров.

Разнообразные жанры фольклора в ходе исторического развития народного творчества претерпевают сходные изменения. Так в жанрах русского фольклора XVIII - начало XIX века наблюдаете, усиление лирического начала и ослабление эпического, в частности сюжетности.

Вопросы:

- 1.Какие обряды называют календарными?
2. Какие обряды сопровождали семейную жизнь человека?

Былины, сказки.

Обряды уводят в предысторию русского народа, к истокам фольклора. Но основной корпус русского фольклора сложился значительно позже, в исторический период. Это, в основном, средневековая Русь с ее представлениями о мире и человеке. В это время оформляются жанры русского фольклора. Жанрами называют группы произведений с общей тематикой и общей поэтикой (т.е. средствами выражения). У каждого жанра есть своя область изображения и свое «мировоззрение». Народные представления о добре и справедливости выражены в сказках, мир чувств и переживаний открывается в песнях, народная мораль — в пословицах и поговорках.

Особое место в русском фольклоре занимали былины, народный героический эпос. Его предмет – историческое прошлое народа. Эпос выражает, следовательно, национальное самосознание, отвечая на вопросы: кто мы такие, каковы наши корни, какое прошлое за нами стоит. И ответы на них не могут сводиться к фотографическому отражению былого. Прошлое в наших былинах идеализировано. Это не реальное прошлое, а такое, каким оно должно быть, с народной точки зрения. Эпос минует печальные страницы нашей истории. В былинах ничего не говорится о тяжком монгольском иго, о кровавых княжеских междоусобицах. Эпическая история полна побед над врагами родной земли – не столько реальных, сколько вымышленных.

События прошлого связаны в былинах с двумя древними городами – **Киевом и Новгородом**. Киевская Русь в эпосе – время князя Владимира, и любое событие в киевских былинах отнесено к этому эпическому времени. Мир былин далек от исторической реальности, это идеальное героическое прошлое. **Князь Владимир** – не реальный киевский князь, а могучий государь, на службе у которого находится дружина выдающихся героев – богатырей. Она способна противостоять любому врагу. О подвигах киевских богатырей и рассказывается в былинах. Конечно, такое представление об идеальной Киевской Руси сложилось много позже времени князя Владимира, когда реальная Киевская Русь уже перестала существовать.

Итак, прошлое в киевских былинах предстает в героическом свете. Дело защиты родной земли поручено богатырям. В их дружине выделяется три богатыря: Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. У них разное социальное происхождение: первый – крестьянский сын, второй – дворянский, у третьего оно выделено в его прозвище, но все они несут одинаковую службу. И это характерно: защита родины – общенародное дело, независимо от классов и сословий.

Главными врагами Киева оказываются чаще всего не исторические враги – печенеги, половцы или татары, а мифологические чудовища. Архаическое наследие было использовано в новых целях: чудовища угрожают не просто человеческому существованию, а Киевскому государству. И одолеть их могут только богатыри. Так, Илья Муромец побеждает чудовищную птицу Соловья разбойника и Идолище поганое. Соловей засел на дороге между Киевом и Черниговом.

Сила его – в ужасном свисте:

Как засвищет Соловей по-соловьиному, Закричит собака по-звериному, Зашипит проклятый по-змеиному, Так все травушки-муравы заплетаются, Тёмны лесушки к земле все приклоняются, Все лазоревы цветочки осыпаются, А что есть людей, то всемертвы лежат.

Но **Илья Муромец** подбивает Соловья стрелой и привозит его в Киев, очищая русскую землю от чудища.

Главный подвиг **Добрыни Никитича** – победа над змеем. Древний мифологический враг рода человеческого, змей в былинах не только связан с грозными силами природы, не только олицетворяет темные силы прошлого, но и летает на Русь, похищая пленников. Добрыня побеждает и страшное чудовище, и врага Русской земли.

Алеша Попович тоже вызывает змея на поединок. Крылатый Тугарин Змеевич не летает на Русь – он засел в Киеве и ведет себя, как хозяин, как победитель, похваляясь своим могуществом и угрожая киевлянам

(в былинах такие враги называются нахвальщиками).

Отрубив ему голову, Алеша приносит свободу родной земле.

Появляется в былинах и другой образ врага – громадное войско, чаще всего называемое татарами (реже – литвой), заставляющее вспоминать о татарском нашествии:

А от пару было от конного,

А и месяц-солнце померкнуло, Не видеть луча света белого, А от духу татарского

Неможно крещеным нам живым быть.

Но и с этим войском богатырь расправляется легко: правой рукой махнет – улочка среди врагов, левой – переулочек.

Былинные защитники Русской земли – это люди исключительные, богатыри, т.е. люди необычайной физической силы. Они способны биться- рубиться по трое суток и в бою орудуют не только мечами, но и девяностопудовыми палицами. У богатырей необычные кони. Они мудры и понимают человеческую речь, а в критические минуты предупреждают своих хозяев о грозящей им опасности. У таких коней нет крыльев, но богатырская скачка подобна полету: чудесный конь поднимается повыше леса стоячего, пониже облака ходячего.

Но все богатырские деяния направлены к одной цели – служению родной земле. Перед этим главным делом жизни богатырей отступают все обиды, все личные заботы. У них нет дома, нет семейной жизни (хотя Добрыня Никитич женат), и стоят они обычно на заставе богатырской.

В эпосе создается единый художественный тип богатыря. Но присмотритесь к известной картине Виктора Васнецова «Богатыри» - перед вами люди разные. Прямо и непоколебим крестьянский сын Илья Муромец. Своим обликом он как бы выражает непобедимость народа, и былина говорит о нем: «Илье смерть в бою не писана». Это предназначение получил он от святых старцев, исцеливших немощного Илью, когда ему было уже за тридцать. Покидая родной дом, Илья получает от отца завет, которому твердо следует:

Не помысли злом на татарина,

Не убей в чистом поле христианина.

Это значит, что любой человек, независимо от его национальности и религии, неприкосновенен, если он не выступает с оружием в руках. У богатыря нет ни дома, ни семьи, и единственное дело, которому служит «старый казак Илья Муромец», - защита Родины.

Мы читаем былины в книжках, и они выглядят не совсем складными стихотворениями. Но в реальности былины - это песни, исполнявшиеся речитативом, и исполнителей их называли сказителями. Былинное повествование велось неторопливо, с подробными описаниями. Так, подробно рассказывалось о пире у князя Владимира, еще подробнее - о сборах богатыря в поход и седлании его боевого коня. При этом такие картины были однотипными и переходили из одной былины в другую. Поэтому их называли общими местами (или формулами). Формула - это устойчивое словосочетание, объем которого составляет как выражение из двух слов (предмет плюс прикрепленный к нему эпитет: «богатырь святорусский», «стоны белодубовые», «поле чистое»), так и большой фрагмент повествования: пир у князя Владимира, сборы богатыря в поход. Сражение с огромным вражеским войском описывается обычно так:

И он пустил коня да богатырского По тому раздольищу чисту полю Во ту во силушку великую,

Стал конем топтать да копьём колоть, И он бьет-то силу, как траву косит.

Вопросы:

1. Кто такие богатыри и какие народные представления они воплощают?
2. Чем характерно для поэтического языка былины?

Сказки.

Сказками называют рассказы о выдуманном и невозможном. Так воспринимают их и сказочники, и их слушатели. Сказками забавлялись на досуге, рассказывая их ради развлечения. Это не значит, что они лишены серьезного смысла: события, в сказках происходящие, получают нравственную оценку. Сказки не только развлекали, но и воспитывали, отвечая мечтам и устремлениям человека.

По содержанию своему сказки очень разнообразны. Сказками называют и рассказы о проделках животных, и занимательные повествования о чудесных приключениях, и полные юмора народные новеллы о торжестве людей хитрых и находчивых. Поэтому сказки делят обыкновенно **на три группы: сказки о животных, волшебные и бытовые.** Корнями своими сказочные сюжеты уходят в далекое прошлое и связаны с мифологией. Однако сказки давно ушли от первобытных верований, и мифологические мотивы подчинены в них художественным целям: сказка тем интереснее, чем свободнее играет она с мифологическими темами.

Русские сказки имеют много общего со сказками других народов, живущих на огромной территории от Индии до Ирландии. Наибольшей популярностью пользовались сказки волшебные (чудесные). Чудеса в сказках – вовсе не плод воображения: они рождены первобытным мировоззрением, мифологией. Здесь отразились и магия (многие предметы имеют в сказках необычные свойства: яблоки возвращают молодость, живая вода – жизнь, кольцо бывает волшебным, силой колдовского заговора обладают слова), и вера в единство человеческого и животного миров – тотемизм (с животными в сказках вступают в брак, как в «Царевне-лягушке», от них получают чудесную помощь). В основе волшебных сказок лежат не только многие мифологические представления, но и древние обряды. Особое место занимали среди них переходные обряды. Люди в первобытном обществе делились не только на разные роды и племена, но и на различные половозрастные группы. Любой переход из одной социальной группы в другую сопровождался обрядом. Главным переходным обрядом было посвящение (инициация): юноша, достигший зрелости, переводился в группу взрослых мужчин и получал все права полноценного члена общества. Считалось, что посвящаемый временно умирает и возрождается в новом качестве. Посвящаемых подвергали довольно мучительным испытаниям: увозили в лес, где держали впроголодь, наносили разные увечья.⁴

В волшебных сказках не только нашли отражение обряды посвящения, но и сама композиция волшебной сказки часто как бы следует порядку этих обрядов. В сказках встречаются и лесной дом, и лесной учитель, а главное – обязательное посещение царства мертвых. В русских сказках это тридевятое царство. Попасть туда можно не иначе, как через сторожевую заставу – избушку на курьих ножках, обнесенную частоколом, на котором торчат человеческие черепа. Тридевятое царство может быть ограничено не только непроходимым лесом, но и огненной рекой.

⁴ Митропольская Н.К. Русские пословицы как малый жанр фольклора.. Вильнюс., 1973.

Чудеса, о которых сообщается в сказках, - самые разные, но рассказывают волшебные сказки, по сути дела, об одном и том же. Выдержав ряд испытаний, юноша (девушка) обретает свою суженую, и финал сказки – счастливый брак. Испытания в волшебной сказке всегда связаны с посещением иного мира - «тридевятого царства».

На своем пути герой обязательно получает волшебную помощь. Он встречается с чудесным помощником. В роли таких помощников могут выступать различные существа – от людей со сверхъестественными свойствами (Опивало, Обьедало, Скороход и т.п.) до животных (Серый Волк) и даже насекомых или чудесных предметов. Чаще всего герою помогает волшебный конь – Сивко-Бурко. Далее на пути героя оказывается волшебный противник. Он либо побежден в поединке, либо герой спасается от него чудесным бегством. Вернувшись в свой мир, герой устраивает свадебный пир.

Волшебные сказки выросли на обрядово-мифологической основе, но со временем вскормившая их мифология перестала быть предметом веры и стала почвой для фантазирования. Произошло это уже за пределами первобытно общинного строя, когда появилось социальное неравенство. Сказка взяла под защиту бедных и обездоленных, и любимыми ее героями стали невинно гонимые, сиротки, младшие братья и сестры, над которыми стоят старшие в семье. Они были обижены в жизни, но вознаграждены в сказке. Так волшебная сказка встает на защиту угнетенных, помогает им и устанавливает справедливость, которой не хватает в реальной жизни.

Так рождаются из древних мифологических рассказов волшебные сказки, причем содержание их связывается с идеей справедливости.⁵

При относительном единстве композиции волшебные сказки распадаются на несколько тематических групп. Есть сказки волшебного-героического, где герой вступает в поединок с чудовищем и побеждает его. Всемирно известный сюжет – «Победитель змея»: герой освобождает царевну, которая предназначена в жертву змею (в западноевропейских сказках – дракону). В другой сказке («Бой на калиновом мосту») герой, младший из трех братьев, побеждает трижды многоголовых змеев и избегает опасностей, которые исходили от матери-змеихи. Противником героя может быть и Кощей Бессмертный. Герой обычно не сражается с ним, а достает яйцо, в котором находится смерть Кощея.

Много сказок о чудесных супругах. Один из замечательных сюжетов – «Красавица и чудовище». Он попал и в литературу – это сказка С.Т.Аксакова «Аленький цветочек». Чудесный супруг может быть не только отвратительным чудовищем (так он заколдован), но животным или птицей. В сказке «Финист Ясный Сокол» он легко превращается из сокола в человека и обратно. Стержень повествования в этой сказке составляют поиски исчезнувшего супруга. По вине злокозненных старших сестер или собственной (она нарушает запрет) муж покидает

⁵ Г.Л. Пермяков "От поговорки до сказки", М., 1970.

свою жену. Она отправляется за ним в тридевятое царство. В развязке сказки они воссоединяются. Этот сюжет был известен уже в древнем Риме (сказка об Амуре и Психее).

Животный облик может иметь не только муж, но и жена. Самая известная русская сказка на эту тему – «Царевна-лягушка». И ее сердцевину составляют поиски исчезнувшей супруги, но перед героем стоят более тяжкие испытания, чем перед девушкой, возвращающей исчезнувшего мужа.

Во многих сказках рассказывается о бедной падчерице, которая находит свое счастье с волшебной помощью и удачно выходит замуж. Всемирную известность получила сказка французского писателя Ш.Перро

«Золушка». Рядом с терпеливой и скромной девушкой появляются обычно ее сводные сестры. Достоинствами падчерицы они не обладают и наказаны за свою грубость и черствость. В роли того, кто награждает и испытывает, могут выступать Морозко, яга, покойная мать («Одноглазка, Двуглазка и Трехглазка»).

История Золушки или героини сказки «Морозко» - это рассказ о брачных испытаниях: выдержав их, девушка выходит замуж. Брачным испытаниям посвящено и много других сказок. Герой отправляется в тридевятое царство, где находит Василису Премудрую, Марью Моревну или Елену Прекрасную, пройдя через многие приключения. В сказке «Сивка- Бурка» после выполнения трудных задач герою пришлось выкупаться в кипящем молоке, чтобы получить в жены царевну. Достать красавицу – последняя из трудных задач, решаемых героем (а до этого были и жар- птица, и молодильные яблоки, и живая вода). Герой притворяется дурачком (сказка «Незнайка»), он всеми презираем, но именно он достает диковинки и побеждает вражеское войско, чего не могут сделать его зятья.

Не меньше испытаний выпадает на долю героини. У нее есть злая соперница, ведьма или ее дочь, которая временно занимает место законной жены, но в конце концов истина открывается («Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Белая уточка»).

Разновидность брачных испытаний – приключения мужа, преследуемого своей женой. Она принадлежит иному миру и несет в себе враждебное начало. Муж добывается ее с помощью чудесного предмета. Она крадет этот предмет и избавляется от героя. Враждебность ее проходит только после возвращения волшебного предмета («Рога», «Волшебное кольцо»).

Дети особенно любят сказки о маленьких героях, избавляющихся от ведьм, великанов, яги. В сказке «Терешечка» (имя героя варьируется) яга заманила маленького мальчика к себе, хотела зажарить и съесть, но малыш спасся. Сказка «Гуси-лебеди» - о том, как сестрица спасла своего братца от яги. В обоих сюжетах маленькие герои спасаются чудесным бегством, прячась от преследователей, превращаясь то в озеро с уточкой, то в церковь со священником – или бросая позади себя расческу и полотенце, становящихся лесом и рекой. Но враг может быть побежден и хитростью, как это сделала девочка, похищенная медведем, когда она попросила медведя унести домой пирожки и спряталась в корзине («Маша и медведь»).

Младшего брата, героя сказки, обычно зовут Иваном-дураком. Но он не глуп – таким он только кажется. Он добр душой и никого не обидит, терпелив и находчив. Знают русские волшебные сказки и другого героя – Ивана-царевича.

Ему не достает смекалки, терпения и твердости: то он сжигает шкурку царевны-лягушки и отправляется на ее поиски, то нарушает советы своего чудесного помощника – Серого Волка. Но испытания закаляют его. Царское звание не спасает его от невзгод, да и нет в нем ничего от царевича: это скорее прозвище, говорящее о том, что герой юн и прекрасен. В волшебнo-героических сказках выступает обычно герой чудесного происхождения: Иван Быкович, Покатигорошек, Иван Медвежий сын. Он растет не по дням, а по часам, добывает богатырского коня и подходящее оружие и превосходит силой и храбростью своих спутников.

Из героинь в русских сказках чаще других оказывается падчерица. Стремясь жить ее со свету, злая мачеха отправляет бедную девушку в зимний лес к Морозке или в колодец к Бабе яге. Кроткая падчерица не перечит хозяевам иного мира, выполняет любое порученное ей дело и награждена. Другой тип героини волшебной сказки – верная возлюбленная. Ее преданность помогает страшному чудовищу превратиться в прекрасного царевича («Аленький цветочек»). Она способна отправиться за любимым за тридевять земель и вернуть его на родную землю («Перышко Финиста Ясна Сокола»). Еще один тип героини волшебный сказок – мудрая дева.

Она умнее своего супруга и помогает ему выполнить трудные задачи, когда он отчаивается. Мудрая дева связана с иным миром, и на службе у нее состоят чудесные помощники. Она не только волшебница, но и красавица.

Героям волшебной сказки противостоят мифологические чудовища. Самое древнее из них – змей. О нем рассказывается в мифологиях многих народов мира, и везде это хозяин грозных сил природы, прежде всего огня и воды. И в сказках он часто оставляет людей без воды, требуя себе в жертву девушку. Несчастную оставляют на берегу. Спасает ее герой сказки, смело вступающий в бой с многоглавым чудовищем. Змей обитает не только в воде (древнейший образ бездны, и первый акт творения – отделение земли от воды), но и в огненной реке. Из пастей его многочисленных голов пышет пламя. Есть у него и еще одна среда обитания – дикие, безлюдные горы, где он гнездится в глубокой пещере. Поэтому сказочного змея называют Горынычем. Его подземное существование, связь с таинственными силами земли нашли выражение в символе медицины: змея, склонившаяся над чашей, означает, что эти силы поставлены на службу человеку. Имена чудовища в мировом фольклоре меняются: змей, дракон, аждахар, но всегда юный герой одерживает над ним победу.

Не только змей хочет завладеть девушкой. Похитителем не девушки, а жены героя, красавицы и волшебницы, оказывается Кощей Бессмертный. Он тоже обитает в ином мире, но в «нашем царстве» надежно заперт. Герой по недомыслию освобождает его – и лишается жены: Кощей вихрем уносит ее к себе. Эта сила вихря, мгновенно уносящего и мгновенно настигающего, – главное в Кошее. Он кажется непобедимым еще и потому, что смерть Кощея находится вне его тела – в яйце, которое надежно укрыто. В этой сказке испытание героя состоит в том, что ему удастся погубить Кощея и вернуть свою суженую. Конечно, и здесь не обходится без чудесной помощи: героя выручают благодарные звери. Победа над Кошеем – это победа над хозяином подземного мира, где он, по словам А.С.Пушкина, «над златом чахнет».⁶

Очень неоднозначна в сказках роль Бабы яги. Зловещая старуха, живущая в избушке на курьих ножках, передвигающаяся в ступе и заметающая свои следы, – казалось бы, она должна вызывать ужас и отвращение. Тесная избушка, похожая на гроб, слепота зловещей старухи (она героя не видит, а чует: «фу-фу-фу, русским духом пахнет!») выдает в ней обительницу царства мертвых, стоящую на его страже. Но если Змей и Кощей – всегда враги, то роль яги неоднозначна. В некоторых сюжетах яга – противница героя, с которой он сражается. В других яга – людоедка. Но чаще всего яга бывает доброй помощницей и советчицей. Героя (или героиню) она встречает неприветливо, но впоследствии указывает ему путь, дает девушке волшебный клубочек, за которым она идет по иному миру. Здесь отразилось древнее верование: умершие предки помогают живым. Есть у яги и еще одна роль: она испытывает героиню. Бедная падчерица отправлена мачехой на «тот свет», и девушка попадает к яге, дающей сиротке не- сколько трудных поручений. Девушка выполняет порученное, и яга превращает ее в красавицу, отпуская с богатыми дарами. Родная дочь мачехи испытания не выдерживает и наказана.

⁶ Г.Л. Пермяков "От поговорки до сказки", М., 1970 .

На пути героя могут стоять не только существа из иного мира, но и вполне земные люди. В своей семье это завистливые братья и сестры. Когда трудную задачу удалось решить младшему брату, старшие безжалостно убивают его и только живая вода, добытая чудесным помощником, возвращает его к жизни. По вине старших сестер младшая лишается своего чудесного супруга (или возлюбленного).

Действие в волшебных сказках происходит в двух мирах – «нашем» и «не нашем». «Наш» мир – это земля, в которой обитают живые люди. Это не русская земля, а «некоторое царство, некоторое государство». Но в сказках каждого народа отражаются реалии родного быта. Так, Емеля- дурак разъезжает по этому «некоторому царству» на русской печке, а царевна сидит в высоком тереме. Иной мир – это «тридевятое царство», расположенное очень далеко, нередко за морем-океаном, и добираться туда нужно несколько лет. Два мира разделены дремучим лесом, где находится сторожевая застава Бабы яги – постоянно вращающаяся избушка на курьих ножках. Границей может служить и огненная река, через которую перекинут калиновый (= раскаленный) мост. У этого моста и происходит битва героя со змеем. В некоторых сказках иной мир находится глубоко под землей, и герой попадает туда либо через колодезь, либо входя в пещеру.

В сказочном повествовании используются одни и те выражения –**«сказочные формулы»**. Многие волшебные сказки с разными сюжетами начинаются одинаково: *«В некотором царстве, некотором государстве жили-были»*. И заканчиваются они тоже формулами: *«И устроили пир на весь мир. И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало»*, *«И стали жить-поживать да добра наживать»*. Характеристики действующих лиц также даются на языке формул. О героине обычно говорится: *«И была она так красива, что ни в сказке сказать, ни пером описать»*; о сказочном коне:

«Конь бежит – земля дрожит; из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит»; о яге: *«Баба яга, костяная нога»*. И говорят герои волшебных сказок «формульно». Так, герой обращается к избушке на курьих ножках с одними и теми же словами: *«Избушка-избушка, встань к лесу задом, ко мне передом, дай мне зайти и выйти; мне не век вековать, одну ночь ночевать!»* Хозяйка избушки, яга встречает героя формулой: *«Фу-фу-фу! Русским духом пахнет!»* Надо герою вызвать коня – и вновь формульное обращение:

«Сивка-бурка, вещая каурка! Встань передо мной, как лист перед травой!»

Так и течет повествование в волшебных сказках: неторопливо (хотя сказочник и отмечает: *«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»*), со множеством украшающих сказку формул.

Иначе выглядят сказки бытовые и о животных. Стилистических формул здесь почти нет, как и нет жесткой композиционной схемы. Но самое главное: действие этих сказок происходит не в двух мирах, «нашем» царстве и тридевятом, а в одном – нашем. Поэтому здесь не происходит ничего чудесного. И все же это сказки: все происходящее в них совершенно невероятно и в действительности невозможно.

Эта невероятность особенно очевидна в сказках о животных, где животные свободно общаются на человеческом языке и поступают «по-человечески». Когда-то люди не видели разницы между животным и человеческими мирами. Но впоследствии единство двух общежитий было отнесено к глубокому прошлому: «когда звери говорили». В сказках же рисуется особый мир, где животные и люди способны вступить в общение между собой, где не только они, но и предметы выступают с людьми и животными на равных. Колобок уходит от бабушки с дедушкой, попадает к животным, но уходит и от них, пока лиса не обманывает его. Прodelки и обманы – вот о чем говорится в сказках о животных. При этом сказки не отражают реальные особенности и повадки животных. В действительности волк – более умный зверь, чем лиса, а лев вовсе не наивен и простодушен, как его представляют сказки. Перед слушателями (и читателями) здесь открывается особый, сказочный мир, а не пособие по зоологии.

Главный хитрец русских сказок о животных – лиса. Ее противниками, которых она оставляет в дураках, бывают звери более сильные: волк и медведь. Лиса отправляет волка ловить рыбу на хвост, притворяется пострадавшей и едет на нем верхом, напевая «Битый небитого везет»; волка и медведя обманывает она, сидя в яме. И только в столкновении со слабыми лиса проигрывает. Она не смогла перехитрить петуха, ее выгнали из заячьей избушки. Не только волшебные, но и сказки о животных не отдают победы насильнику.

Есть особый вид сказок о животных – *цепевидные*. Они строятся как цепочка одинаковых сюжетных звеньев. Упомянутый «Колобок» – типичная цепевидная сказка. Совершенно одинаково описываются встречи с зайцем, волком, медведем, каждая из которых завершается песенкой колобка. Цепочка вдруг обрывается, и действие заканчивается катастрофой. Колобок съеден лисой, звери раздавлены в теремке медведем. Но финал может быть и благополучным: нашлась коза с орехами калеными, курочка достала водички для петушка, подавившегося бобовым зернышком. *Цепевидные сказки – это незатейливая игра, и рассказывают их самим маленьким.*

Вообще большинство русских сказок о животных – это сказки детские. Малышей забавляет нелепость поступков незадачливых простаков-животных (кто же ловит в проруби рыбу на хвост?), смешат их неудачи, они радуются находчивости и хитрости тех, кто попадает в опасное положение.

Часто считают, что сказки о животных дают уроки морали. Однако здесь нет аллегорий, т.е. под животными не подразумеваются люди: лиса в сказках – это лиса, а волк остается волком. Смешно то, что они ведут себя по-человечески. Сказки вовсе не осуждают лису за ее проделки, которые иногда бывают достаточно злыми. Что же

касается сказок цепевидных, то они «доморальные»: добро в них не торжествует. Колобок съеден лисой, обитатели теремка раздавлены медведем, и сказка не дает никаких оснований для моралистических выводов.

И все-таки почва для аллегорий в сказках о животных есть. Некоторые их сюжеты стали основой для литературного жанра басни, где за животными угадываются именно люди. Каждый знает басню И.А.Крылова «Ворона и лисица». Есть и народные сказки с тем же сюжетом. Речь в них идет о проделке лисы над вороной-простаком. Поэт, автор басни, увидел в старинном фольклорном сюжете нравоучительный смысл, и его произведение стало аллегорией о том, как губительна сила лести.

Бытовые сказки еще теснее связаны с реальностью, чем сказки о животных. Мы понимаем, что животные не разговаривают на человеческом языке, но принимаем эту условность в сказках. В сказках бытовых нет той условности – перед нами знакомый мир. Однако по сказкам трудно понять, где именно происходит действие: что это за страна и город – всё крайне неопределенно. Перед нами сказки, а не реалистические рассказы.

Многое в бытовых сказках напоминает сказки волшебные. И здесь есть таинственный лесной дом, только обитает там не лесной учитель, испытывающий героя, а жестокие разбойники. И перед героями бытовых сказок нередко стоят трудные задачи. Только решаются они не с чудесной помощью, а благодаря сообразительности и настойчивости героев. Здесь всегда побеждают ум и смекалка. Крестьянская девочка выходит победительницей в состязании с царем, справившись с трудными заданиями. Находчивый солдат сумел выпросить у скупой старухи еду, подрядившись сварить кашу из топора. Хитрый работник оставил в дураках своего хозяина, выполнив все его поручения (по мотивам таких сказок написал А.С.Пушкин свою «Сказку о попе и работнике его Балде»).

Среди бытовых сказок много смешных. Сказки смеются над глупостью, жадностью, упрямством, другими человеческими недостатками. Жадная старуха, упрямая жена, капризная невеста, «баба хуже черта» - персонажи многих сказок. Любимый герой русских бытовых сказок – Иванушка-дурачок. Он всё делает невпопад, «неправильно», и его нелепые поступки вызывают смех. Конечно, дураку часто достается от окружающих, которым он досаждал. Но сказки в целом относятся к нему с мягким юмором и даже награждают его: дуракам везет. По натуре своей он добр и без- злобен и потому заслуживает награды.

Вообще набор героев бытовых сказок кажется очень пестрым и разнообразным: мужик, солдат, поп, барин, солдат, царь – сказки представляют людей разных социальных слоев. И все же в бытовых сказках представлены по сути дела два типа героев: хитрец и простофиля. Глубоких социальных характеристик сказка не дает.

Открытие сказок в народной культуре было крупным событием литературной жизни в каждой стране, и имена первых собирателей и издателей вошли в историю национальных литератур. Первыми собирателями народных сказок в Европе были замечательные немецкие ученые, впервые издавшие сказки как полноценные произведения словесности, - братья Якоб и Вильгельм Гриммы. Сказки братьев Гримм переведены на все европейские языки, и дети их очень любят. У нас в России таким первооткрывателем народных сказок стал в XIX веке Александр Афанасьев. Он издал сказки, собранные десятками безвестных любителей народной словесности, и связал их с древней мифологией. Сказки Афанасьева стали классическим собранием русского фольклора. Афанасьеву принадлежит и капитальное исследование «Поэтические воззрения славян на природу», в котором создана грандиозная картина древнеславянской мифологии.

Братья Гримм и А.Н.Афанасьев иногда вмешивались в публикуемые сказки в соответствии со своими представлениями о том, какой должна быть настоящая народная сказка. В более поздней собирательской практике такое вмешательство было признано недопустимым. Но для детских изданий народные сказки всегда обрабатывались: устранялись особенности местных говоров, местные речения, язык сказок приближался к нормам литературного языка, усиливались моралистические акценты. Дети читают (и им читают) не сказки Афанасьева, а их переделки и пересказы. Принадлежат они видным фольклористам и писателям: И.Карнауховой, М.Булатову, А.Толстому, А.Платонову.⁷

Вопросы и задания:

1. Чем они различаются между собой волшебные, бытовые и сказки о животных?
2. Каково происхождение волшебных сказок?
3. Как строится композиция волшебных сказок?
4. Какие типы героев встречаются в волшебных сказках?
5. Назовите тематические группы сказочных сюжетов.
6. Чем отличается язык волшебных сказок?
7. Где происходит действие бытовых сказок и кто их герои?
8. Почему многие сказки о животных стали достоянием детей?
9. Расскажите о собирателях и издателях народных сказок.

⁷ Русские детские писатели 20 века. Биобиблиографический словарь / Под ред. А.В.Терновского. – М., 1997.

Малые жанры фольклора

Пословицы и поговорки

Фольклор – устное народное творчество, исполнительское искусство. Но были фольклорные произведения, которые не требовали исполнительского мастерства: пословицы, поговорки, загадки. Это не столько произведения искусства, сколько произведения речи. И произносились они не сами по себе, а не выделялись из речевого потока. Задача их – оценить ту или иную ситуацию, возникшую в общении людей. Ситуации же эти повторялись, так что пословицы и поговорки это обобщение социального опыта, народная мудрость.

Разница между пословицами и поговорками в том, что **пословицы** – это законченные суждения, а **поговорки** – образные выражения. «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь» - пословица, «за двумя зайцами гоняться» - поговорка.

Некоторые пословицы – это мудрые мысли, народные афоризмы.

«*При солнышке тепло, при матери добро*», «*За правое дело стой смело*» - эти суждения прямо выражают народную мораль, указывают нередко на образцы поведения. Но чаще пословицы иносказательны и представляют собою образные выражения, которые могут применяться в разных обстоятельствах. Пословица гласит: «*Тише едешь – дальше будешь*». Она вовсе не означает, что нужно ехать тихо, - не торопись, обдумай прежде хорошенько, чем что-либо делать. Сходна с нею по смыслу другая пословица:

«*Семь раз примерь, один раз отрежь*», хотя здесь бытовые подробности совсем иные. Пословица «*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*» вовсе не имеет в виду рыбную ловлю, и смысл ее: к любому предприятию нужно приложить труд и усилия.

Но и приведенные примеры, хотя они иносказательны, дают все же прямые рекомендации, как надо поступать. Многие же пословицы и поговорки содержат оценку людей и их поступков не в повелительной форме, а исподволь: «*Яблоко от яблони недалеко падает*», «*Хлеб за брюхом не ходит*», «*Нашла коса на камень*», «*Как с гуся вода*». Форма их метафорична: они иносказательны. Говорят: «*В тихом омуте черти водятся*», но имеются в виду не черти и не омуты, а тихий, незаметный человек, совершивший такой ошеломляющий поступок, которого никто от него не ожидал.

Естественно, что в социальном опыте разных народов много общего или сходного. Поэтому некоторые пословицы легко переходят от одного народа к другому. Уже в древнем Риме существовала пословица, живущая и сейчас в России: «*Рука руку моет*». Пословицу «*Клин клином вышибают*» можно найти в средневековых западноевропейских сборниках. Но обычно одно и то же убеждение выражается по-разному. Русский скажет: «*Обжегшись на молоке, дует на воду*»; француз: «*Ошпаренная кошка боится даже холодной воды*»; грек: «*Кто обжегся*

тыквенной кашей, дует на простоквашу». Пословицы отражают быт своего народа и его историю. До сих пор можно услышать поговорку *«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день»*, восходящую к тем далеким временам, когда крестьянам было запрещено переходить от одного помещика к другому, разрешенный прежде осенью, в Юрьев день.

Образный строй пословиц и поговорок создается сходными синтаксическими структурами, метафорами и метонимиями, звукописью. Для обобщения жизненного опыта особенно подходят неопределенные и неопределенно-личные формы глаголов: *«Жизнь прожить – не поле перейти»*, *«Слово не воробей, вылетит – не поймаешь»*. Для рекомендаций всякого рода удобны глаголы в повелительном наклонении: *«Век живи – век учись»*, *«С родной земли – умри, не сходи»*, *«Сам пропадай, а товарища выручай»*.⁸

Часто пословица состоит из двух частей, построенных одинаково (синтаксический параллелизм) и представляет собой сравнение: *«Ешь пирог с грибами, держи язык за зубами»*, *«Не красна изба углами, красна пирогами»*. С помощью такого параллелизма создается ритмическая организация пословиц. Пословицы звучат ритмично и благодаря звукописи – рифмам и созвучиям: *«Хлеб да вода – мужицкая еда»*, *«Не зная броду, не суйся в воду»*, *«С кем поведешься, от того и наберешься»*.

Поскольку пословицы иносказательны, они строятся на метафорах-иносказаниях: *«Всякий кулик свое болото хвалит»*, *«Под лежащий камень и вода не течет»*, *«Цыплят по осени считают»*. Часто встречаются в пословицах и собственные имена, имеющие значение метонимии: говорится об одном человеке, но подразумеваются многие. За именами закрепляются определенные значения: Иван – недотепа, человек неблагодарный (*«Иван, не помнящий родства»*), Макар – бедолага, с которым вечно случается что-то неожиданное (*«На бедного Макара все шишки валятся»*, *«Куда Макар телят не гонял»*). Имена включаются в звукопись пословицы (*«Мели, Емеля, твоя неделя!»*).

Жизнь пословиц можно проследить на протяжении нескольких столетий. Пословичные выражения нередки в произведениях древнерусской литературы, а начиная с XVII века до нашего времени создавались рукописные сборники пословиц и поговорок. Многие пословицы отразили свою эпоху и ушли вместе с ней, но основной фонд пословиц в русском фольклоре сохраняется. Лучше всего он отражен в классическом сборнике **замечательного писателя и собирателя фольклора В.И.Даля «Пословицы русского народа»**, составленном в 1860-х гг. и неоднократно переиздававшемся.⁹

⁸ Детская литература. / Под редакцией А.В. Терновского, М.,1977.с200

⁹ Детская литература. / Под редакцией А.В. Терновского, М.,1977.с 321

Загадки

Загадка – это иносказательное изображение предмета или явления, которое предлагается отгадать. Иносказательность, метафоричность роднит загадки с пословицами. Иногда загадки и выступают в роли пословиц. Так, «Зимой и летом одним цветом» - и загадка про елку, и пословица об упрямом человеке, не желающем считаться с меняющимися обстоятельствами.

Однако происхождение пословиц и загадок – разное. В древности многие вещи нельзя было называть прямо, требовались иносказания. Загадочная речь должна была сбить с толку вредоносные силы, незримо окружавшие человека. Вплоть до XX века сохранялась фраза «У вас товар, у нас купец», произносившаяся вовсе не в торговых сделках, а при сватовстве невесты. Загадками испытывалась не только сообразительность человека, а его осведомленность, мудрость. Информация об устройстве мира, тайнах мироздания передавалась во многих произведениях древности в форме загадок.

Всё это давно ушло в прошлое, и загадки в наше время употребляются для развлечения и забавы. Молодежь развлекается загадками. Но маленьких детей загадки не только забавляют: они учат сообразительности, помогают развивать наблюдательность, сопоставлять вещи и явления, поэтически мыслить. Загадки привлекают своей замысловатостью, и это нравится детям.

Мир загадок связан с окружающей жизнью. Если пословицы толковали о морали и выражали основы народной этики, то загадки предельно конкретны и обращены к тому, что мы видим и ощущаем. Тематика традиционных загадок связана с трудом и бытом русского крестьянина. Но и старинный быт во многом ушел в прошлое, и формы трудовой деятельности изменились. «Весь мир кормит, а сама не ест» - такова загадка о мельнице. Но старых мельниц нет и в помине. Самое же главное в другом. Рыба, корова, лошадь, ковшик не ушли из нашей жизни. Но загадка о лошади: «Не земледелец, не кузнец, не плотник, а первый на селе работник» - не отвечает современности. Загадка о месяце: «Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка» была обыкновенной для крестьянского ребенка, но для современного городского школьника выглядит необычно. Поэтому многие пословицы принадлежат прошлому.

В загадках один предмет заменяется другим, который и описывается.

Предметы в загадках находятся в движении, говорят, действуют. Топор «в лес идет, кланяется, придет домой, растянется»; пила «ела-ела дуб-дуб-дуб, поломала зуб-зуб-зуб»; лапша «сидит на ложке, свесив ножки»; о лампочке говорят: «Висит груша, нельзя скушать». При этом загадки не просто «зашифровывают» обыденную действительность – они преображают ее, поэтизируют.

Что может быть прозаичнее кочерги? Но загадка представляет ее так: «Черный конь скачет в огонь». Бытовой предмет превращается в сказочного коня. Но и в тех случаях, когда такого сказочного преображения не происходит, в загадках возникают фантастические, отступающие от реальности образы. Как и в пословицах, в их создании участвуют личные имена: «Сидит Антипка низок, на нем сто ризок» (капуста); «Стоит Егорка в красной ермолке, кто ни пройдет, всяк поклон подает» (земляника);

«Выгляну в окошко – лежит долгий Антошка» (дорога).

Об одном и том же предмете есть разные загадки, как одинаковые предметы могут быть использованы для разных загадок. Гриб подразумевался в загадках: «Маленький, удаленький сквозь землю прошел, красну шапочку нашел» и «Стоит Антошка на одной ножке». О солнце загадывали: «Бурая корова через прясло глядит». Корова появляется и в другой загадке - о ночи: «Черная корова весь мир поборол». Здесь, как и в пословицах, как и во многих других загадках, используются внутренние рифмы, появляются созвучия: «Без окон, без дверей полна горница людей» (огурец); «Белые овечки глядят из-под печки» (зубы).

Поскольку загадки подразумевают вопрос (а что это такое?), некоторые загадки и строятся в форме вопроса: «Что над нами вверх ногами?» (муха); «Что вверх корнем растет?» (сосулька).

В современных загадках много шуток. Не все они строятся на сопоставлении двух предметов – загадка требует внимания к своей структуре, в ней и заложена отгадка: «А и Б сидели на трубе; А упало, Б пропало, кто остался на трубе?» (И). Загадки и в наше время остаются одной из любимых детских забав

Вопросы и задания

1. Каково назначение пословиц и поговорок?
2. Какова роль иносказания в пословицах и поговорках?
3. Какую роль выполняют загадки, и что лежит в их основе?

Песни и частушки

Традиционный русский быт был насыщен песнями. Они сопровождали труд и досуг русского человека, были непременной частью обрядов. Об обрядовых песнях мы уже говорили: они были строго приурочены к определенным обрядовым действиям. Лирические песни звучали в будни и праздники и не имели столь строгого предназначения. В песнях выражались эмоциональные реакции на события. За праздничным столом веселая компания пела о каких-нибудь замечательных случаях из жизни (например, «Смерть Ермака»); девушки пели о любви; замужние женщины – об обстоятельствах семейной жизни; солдаты, ямщики, разбойники – о своей нелегкой жизни и грозящей им смерти. Свои песни были у людей разного пола и возраста, разного социального положения.

По происхождению песни тоже были разные. Большинство их сложилось в позднем русском средневековье. Позже, в XV-XIX вв., по их образцам поэты создавали произведения, ставшие народными песнями, вошедшие в устную традицию. Песенный репертуар народа включает как песни фольклорные, так и песни литературного происхождения.

Содержание песен зависело от характера их исполнения. Были песни

протяжные, исполнявшиеся на разные голоса, и это обычно песни грустные. У песен игровых и плясовых был иной ритм – и соответственно это песни задорные, веселые. В песнях слышится, как сказал поэт, «то разгулье удалое, то сердечная тоска».

Тематика народных песен связана с определенным набором ситуаций, переходящих из песни в песню. Больше всего переживаний вызывала, конечно, любовь, встретившаяся с препятствиями. Это или вмешательство старших («Не велят Маше за реченьку ходить, не велят Маше молодчика любить»), или отсутствие взаимности (беда все же не в том, что «не велят Маше за реченьку ходить», а в том, что «молодчик» «не чувствует любви никакой»), но чаще – разлука и измена («Цвели в поле цветики да поблекли, любил меня миленький да покинул», «Вспомни, вспомни, друг любезный, нашу прежнюю любовь»). В песнях замужних женщин звучат жалобы на равнодушие и жестокость мужей, за которых их выдали против собственной воли. Особенно осуждается брак по расчету («Ах, кабы на цветы не морозы, и зимой бы цветы расцветали»). Был настоящий любимый (любимая), но с чувствами молодых людей никто не считался. Результат – семейная трагедия, предмет протяжных семейных песен. В песнях игровых неравный брак не вызывает слез, а старый муж оставлен в дураках. Но обычно игровые песни не касались серьезных проблем – в них много шуток по поводу девушек-неумех («Дуня-тонкопряха»), по поводу семейных отношений («Было у тещи семеро зятьев»).

Песни любовные и семейные принадлежали обыкновенно крестьянским девушкам и женщинам. Но многие крестьяне по разным причинам вынуждены были покинуть родной дом. Так возникали песни бурлацкие, ямщицкие, разбойничьи, солдатские. Это песни мужские, и у них своя тематика. Самая распространенная форма таких песен – **предсмертный монолог**. Замерзающий в глухой степи ямщик прощается с родными (песня «Степь да степь кругом» поэта И.Сурикова); раненый солдат, забытый на поле боя, обращается к ворону или коню с просьбой отнести прощальный привет на родину («Уж ты поле мое, поле чистое»).

Чувства и переживания человека в народных песнях передаются в сопоставлении с природой. Немало песен начинается с обращения к природе: «герой» как бы вступает в диалог с ней. Сидящий в неволе разбойник начинает свою песню так: «Не шуми, мати зеленая дубравушка!» (в «Капитанской дочке» А.С.Пушкина эту песню поют пугачевцы). Ямщицкая песня – диалог со степью: «Уж ты степь моя, степь Моздокская!». Еще одна песня – и снова подобное обращение: «Уж вы горы мои, горы Воробьевские!»

Сопоставление с природой имеет обычно форму сравнения. Такое сравнение называется психологическим параллелизмом: сначала идет картина природы, а следующая строчка – состояние человека: «Цвели в поле цветики да поблекли, Любил меня миленький да покинул». Параллелизм может иметь форму противопоставления:

*Не кукушечка во сыром бору куковала,
Не соловушка во зеленом саду громко свищет,
Добрый молодец, во неволюшке сидя, плачет.*

О людях и их чувствах народная песня говорит не прямо, а иносказательно, с помощью метафор. Эти метафоры имеют постоянное значение и называются

символами. Народную песню трудно понять, не зная ее символики.

Так, герои песни могут называться прямо – «добрый молодец», «красна девица». Но их могут заменять и символы: «ясный сокол», «белая лебедушка». Символизируются их чувства и переживания: туман – символ печали, полынь и крапива – горя и тоски. Именно эта символика определяет содержание параллелизма:

*Туманно красное солнышко, туманно,
Что в тумане красного солнышка не видно. Печальна красна
девушка, печальна.*

Обстоятельства, в которых рисуются песенные персонажи, постоянны и тоже символичны. Вспоминает молодая женщина о родном доме – это обычно зеленый сад, в котором поет соловей. Девушка грустит в разлуке с милым – она идет на реку. Когда женщина ждет милого, она садится у окна. Первое свидание обычно происходит у колодца. Переправа через реку – символ брака. Народная песня всегда рисует ситуации, имеющие символический смысл.

Художественная содержательность народных песен определяется не только словесным текстом, но и напевом. Обилие междометий, повторения, «разрыв» стихотворных строк – следствие музыкального исполнения, когда песню начинает один, а затем подхватывают другие. Ритм народной песни определялся напевом.

Во второй половине XIX века появляется новый песенный жанр – частушки. С одной стороны, они похожи на старые лирические песни, с другой, в их создании и жизни много нового. Похожи тем, что это лирические песенки, выражающие чувства и настроения. Но, во-первых, это новые чувства и настроения: после отмены крепостного права многое изменилось в мировоззрении молодежи.

Во-вторых, если песни – это тексты, передававшиеся по традиции, то частушки – жанр по природе своей импровизационный: частушки не столько повторялись, сколько создавались применительно к сложившимся ситуациям. Частушка – песенка короткая, обычно из четырех строчек, с обязательной рифмой, с четким ритмом, и в этом сказалось, конечно, влияние лирики литературной. Частушки откликались на любые события, были лирической летописью деревенской жизни или городской окраины. Но большинство частушек, как и песен, свидетельствуют об отношениях между молодыми людьми. Песни о любви были в большинстве своем грустными. Частушки- песенки веселые, шуточные, и печальных среди них мало. Разумеется, во взаимоотношениях немало и «шероховатостей»: ревность, непостоянство, любовное соперничество – обо всем этом сложено много частушек. Но общий тон частушек – юмористический:

*Сероглазый паренек
Мое сердечушко зажег –
Без лучины, без огня
Горит сердечко у меня.*

Поскольку общий тон частушек – веселый, то частушки охотно играют со словом. В них много изощренных рифм, звуковых эффектов, неологизмов.

В первой половине XX века частушки были любимой формой досуга деревенской молодежи. Сначала под балалайку, позднее под гармонь молодые люди обменивались частушками. В отличие от песен, хором их не пели – исполнение было индивидуальным. Нередко между поющими устраивались своеобразные частушечные состязания. Одна девушка высмеивала другую, та отвечала – и всё в форме частушек.

В отличие от былин, волшебных сказок, старинных протяжных песен, уже ушедших из живого бытования и ставших частью отечественной словесности, частушки остаются живым жанром. Сейчас их чаще можно услышать в городе, чем в деревне. Они поражают своим озорством, неожиданностью оценок жизненных ситуаций.

Вопросы и задания

1. Какими бывают народные песни, и от чего зависит их содержание?
2. Как передаются чувства и переживания в народной песне?
3. Чем отличаются частушки?
4. Запишите в тетрадь русские народные частушки (тематически)

Обработки русских сказок для детей.

В большинстве своем народные сказки созданы не для детей и не детям рассказывались. Они должны быть приспособлены к детской аудитории – и в языковом отношении, и в манере изложения.

Классическими стали обработки, выполненные **Ольгой Капицей, Михаилом Булатовым и Алексеем Толстым**. В их работе возобладал принцип соединения разных вариантов. Особенно последовательно проводил его Толстой. О методике своей работы он говорил: «Из многочисленных вариантов народной сказки выбираю наиболее интересный, коренной, и обогащаю его из других вариантов яркими языковыми оборотами и сюжетными подробностями». В результате получались сводные сказки, каких не было, но какие могли быть в реальности, потому что собственных добавлений Толстой не делал. Поэтому до сих пор его обработки наиболее популярны у детей.

Вот живые интонации русской народной сказки из собрания А.Н.Афанасьева: «Наступило время младшему брату стерегчи идти сад. Как пошел Иван-царевич, меньший брат, сад отцов стерегчи, и даже боится присясти, не то что прилягти. Как его сон задолит, он росой с травы умоется, не ложится, все пасет сад. Половина ночи, так что ему чудится, в его саду освещается что-то. Все светлее, светлее становится». И вот как звучит это в обработке Алексея Толстого: «Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошел Иван-царевич стеречь отцов сад и даже при- сесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит, он росой с травы умоется, сон и прочь с глаз. Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило»

Детские обработки сказок не сводятся только к переводу их на несколько обезличенный русский язык. Редактируются сказочные сюжеты. Такова судьба знаменитой **«Курочки Рябы»**.

Не всякому знакомы ее народные варианты. Ее знают по пересказу **Константина Ушинского**. **Курочка Ряба** обещает деду и бабке снести яичко не золотое, а простое – и делу конец. В народной же сказке последствия, вызванные разбитым яичком, катастрофичны: «Старик плачет, старуха возрыдает, в печи пылает огонь»

Девочка-внучка с горя удавилась». Дело пошло и дальше: дьячок колокола перебил, поп все книги изорвал. Ушинский, а за ним и современные пересказчики превратили тему «много шума из ничего» в забавное происшествие. Ушинский, собственно, не пересказывал народные сказки, а создавал свои собственные, авторские. Но талантливый педагог не был писателем, и о художественном своеобразии его сказок говорить не приходится. Не прорисовывается авторская индивидуальность и в сказках, обработанных А.Толстым, хотя он и следовал определенной методике. Писателем, сумевшим сохранить свою индивидуальность в сказках, сюжеты которых не перекраивались, а заимствовались непосредственно из русского фольклора, был **Андрей Платонов**.

Платонов пересказал семь народных сказок, составивших сборник «Волшебное кольцо» (1950). Не отступив от буквы фольклорного сюжета, он ввел в повествование много деталей, сделавших сказочных героев похожими на типичных платоновских персонажей. Так, о героях сказки «Волшебное кольцо» Платонов пишет: «Жили они бедно: спали на соломе, одежка на них старая, латаная, и в рот им положить нечего. Жили они давно; тогда земли у крестьян было мало, а что и была, так неродящая была земля: что и посеет крестьянин, то вымерзнет, а не вымерзнет, так от засухи посохнет, а не посохнет, так вымокнет, а не вымокнет, так саранча пожрет». Таковы же и многие персонажи его оригинального творчества: они живут на грани человеческого существования, лишены всего, находясь между жизнью и смертью. Цари же у Платонова, напротив, «люди

ложные и лукавые», достойные лишь насмешки. Когда они пьют чай, то дуют на блюдца, и Платонов ядовито замечает: «Из блюдец брызги летят, чай проливается на скатерть, а чай с сахаром. Царь, а чай пить не умеет!» Так Платонов создает точный психологический рисунок: рачительная крестьянка не может допустить, чтобы чай с сахаром проливался на скатерть. Глядя на кошку с собакой, выкупленных сыном за последнюю копейку, она подумала: «Ишь, только спят да едят! Какая от них польза!» В народных сказках герои так не рассуждают, и Платонов вышивает по фольклорной канве сказку собственную, с характерными для этого писателя интонациями.

Удалось Платонову и другое: сказочная реальность представлена в восприятии простого мужика. Поэтому если рисуется царь, то он пьет чай с сахаром и носит золотые парчовые штаны, а кирпичи на хрустальном мосту тщательно проверяет: не подделка ли? Остается Платонов верен и принципам своего художественного языка. Он находит неожиданные образы: «А тут захолодало, потемнело, лето состарилось, к зиме пошло». Лето «состарилось» - так мог сказать только Платонов (в его прозе «старуха устала долго жить»). А в сказке «Безручка» «Старый садовник стал томиться и тосковать, а однажды лег спать и вовсе не проснулся – он умер во сне от своей печали».

Платонов обратился к сказкам не случайно: он увидел в них выражение народной морали. Мало того, он моралистическое звучание сказки усиливает, то вводя народную поговорку, то создавая собственную на фольклорный лад: «Честных и горе красит, а бесчестным и красота не к лицу». И делает это Платонов очень тактично – не навязывая моральный урок, а как бы извлекая его из сказки. Так и завершается «Безручка»: «Несчастье хоть и живет на свете, да нечаянно, а счастье должно жить постоянно».

Среди писателей-сказочников в XX веке преобладают те, что сочиняли сказки собственные, но ориентированные на русский фольклор. Таковы произведения **Бориса Шергина, Степана Писахова, Павла Бажова.**

Борис Шергин от фольклора ушел в литературу, став профессиональным писателем. Родом из архангельских поморов, много повидавший, скоморох по натуре (он рассказывал народные сказки, как настоящий лицедей), Шергин оставался сказочником: он писал так, будто проговаривал написанное.

Многие сказки Шергина имеют в основе реальные фольклорные сюжеты. Некоторые из них («Золоченные лбы») рассчитаны на взрослых читателей, другие (сказки о Шише) – универсальны: их с удовольствием читают и взрослые, и дети.

Шергин был мастером бытовых картинок. Вот рассказывает он о Шише – с народными прибаутками (дом стоял на гладком месте, как на бороне), но тут же появляются вовсе нефольклорные «толстые, как пузыри», жадные и скупые барин с барыней («Наш пострел везде поспел»). В другой сказке, тоже названной по известной пословице («Доход не живет без хлопот»), Шиш повторяет проделки шута – и снова Шергин вводит бытовые картины собственного сочинения: скупые старшие братья оставляют без доли не только младшего, Шиша, но и пускают по миру старика-отца. Жадную старуху заменила жадная трактирщица («Шиш и трактирщица») – и соответственно рисуется сцена в трактире. Порою Шергин строго следует фольклорному сюжету («Шиш показывает барину нужду»), порою кладет в основу собственной сказки анекдотическую ситуацию («Рифмы»). При этом сохраняется суть фольклорного персонажа: Шиш не только других оставляет в дураках, но и сам временами делается жертвой собственных проделок. Он вздумал посмеяться над мужичком, который согласился его подвезти, но тот «переговорил» его прибаутками.

Сказки Степана Писахова – это, собственно, не сказки, а авторские фантазии на сказочные темы. В них больше от литературы, чем от фольклора. Можно говорить лишь об отдельных фольклорных приемах в сочинениях Писахова. Сюжеты его сказок не поражают оригинальностью и мастерством повествования, но нехитрые истории Писахов рассказывает затейливо, все время играя словом, народными выражениями, причудливо переосмысляя их (так называемая «народная этимология»). Если писатель говорит о печатных пряниках, то они оказываются подозрительными для царя как печатное слово. Обезьяна называется «облизьяной». Писахов с удовольствием пользуется приемом реализации метафоры, т.е. толкует выражение не в переносном, а в прямом смысле. Рассказчика «бросило в жар», и от этого закипела у него в кармане бутылка с водой, а в другом случае этим жаром он истопил баню.

В отличие от Писахова, **Павел Бажов**, автор книги «Малахитовая шкатулка» (1950), не пользовался фигурой рассказчика-балагура, потешающего слушателей своими байками. Истории Бажова восходят к горняцким сказам, и устные интонации в них слышны, но нигде автор не объявляет себя участником и свидетелем происшедших событий. «Говорят», «сказывают» – вот его позиция, и он не стремится выдать свое повествование за безусловную правду: может, говорят и пустое.

И образ рассказчика, и его истории – творческое создание писателя. Нередко его труд представляли упрощенно: он записывал горняцкие сказы, а на их основании сочинял свои рассказы. Но бажовские сказы – не записи устных рассказов, это художественный вымысел писателя. И чудесный козлик с серебряным копытцем, и голубая змейка, оставляющая золотой след, и Хозяйка Медной горы – плод его воображения. Бажов был искусным стилизатором, т.е. создавал впечатление, что он просто пересказал народные сказы. Прекрасный знаток народного языка, Бажов

умело расцвечивал острыми словечками свое повествование, но никогда этим не злоупотреблял. Он создавал психологически точные портреты: девочки- сиротки Даренки и старика-охотника Коковани («Серебряное копытце»), парнишек-сорванцов Ланко и Лейко («Голубая змейка»), мастера Данилы («Каменный цветок»)¹⁰.

Решающая роль авторского вымысла особенно заметна в изображении сверхъестественной силы, с которой сталкиваются герои Бажова. По народным поверьям, встреча с горными духами – нечистой силой не сулит человеку ничего хорошего. И у Бажова это грозная сила: Хозяйка Медной горы уводит к себе мастера, разлучая его с невестой, о голубой змейке не разрешено упоминать, потому что ее появление влечет за собой драки и убийства, даже козлик Серебряное копытце уводит с собой любимую кош- ку. Но у Бажова в конечном счете эта потусторонняя сила одаряет просто- го человека – золотом, драгоценными камнями, трудовым мастерством. Торжество рабочего человека, мастера своего дела – главная тема сказов Бажова. Их идея – слава труду, и в этом смысл жизни. Эту мысль неоднократно высказывают герои бажовских сказов, и один из его рассказов завершается поучением: «Работа – она штука долговекая. Человек умрет, а дело его останется. Вот ты и смекай, как жить-то».

Шергин, Писахов, Бажов создали особый жанр сказки, где не потеряна народная основа. Это фольклорно-литературная сказка, сохранившая и увлекательность устного повествования, и актуальные основы народной морали.¹¹

Вопросы и задания:

1. Расскажите об особенностях народных сказок в обработке В.Даля, А.Толстого и А.Платонова.
2. Как живет народная традиция в сказках Б.Шергина, С.Писахова П.Бажова?

Основная литература:

1. Дмитриева, У. М.. Русская детская литература XIX в. [Электронный ресурс] : учебное пособие. - Москва: НГПУ, 2013. - 118 с.: генеалогич.табл. - Библиогр.: с. 109- 110. - Загл. из текста. - Режим доступа: <http://icdlib.nspu.ru/catalog/details/icdlib/644850/>
2. Детская литература. Под ред. Е.О. Путиловой, М. 2013г
3. Детская литература. Е.У.Зубарева М, 2011г
4. История русской детской литературы . Ф.И.Сетин М, 2014г

Дополнительная литература:

- 1.Лазутин С.Г. Метафора в загадках, М., 2001 г.
- 2.Митрофанова В.В. Русские народные загадки, Л.,2008.

¹⁰ Лазутин С.Г. Элементы ритмичности и рифма в сказках.- М., 1981-С. 163-180.

¹¹ В.П. Аникин "Русская народная сказка", М., 1977 .

